

Талина Мурзик

доктор филологических наук,
профессор

ДЕРЕВО В ОБРАЗНОМ МИРЕ ПОЭТОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Дерево – древнейший символ всех народов мира, представляет Вселенную, законы жизни природы и человека как неразрывное целое. Форма дерева с его корнями в земле, стволом и кроной олицетворяют три царства: хтоническое, земное и небесное [1; 143, 150]. В Библии описывается «древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на всякий месяц плод свой; и листья дерева – для исцеления народов» (Откровение Иоанна Богослова, 22:2). Образ мусульманского рая – оазис с фонтанами и тенистыми деревьями. Обитатели рая – в зеленых одеждах; зеленый цвет в исламе – священный, зеленым было знамя пророка Мухаммеда [2; 91].

Зелень Земли, деревья на ней – важнейшая ее характеристика (ср. у Я. Смелякова о Марсе: «На холмах монашеского цвету / ни травы и ни деревьев нету»). Деревья как символ земной полноты жизни, буйство растительности (травы, кустарника и деревьев) нашли отражение в мировой поэзии [3], и рассматриваемый нами корпус стихотворных текстов [4] включается в эту традицию.

В стихотворении В. Михайлова «Маркаколь» прекрасно передано чувство растворимости человека в мире природы – живописно и зримо: таежный дух от елей и сосен, *Бредешь, ныряя в зелень головой .../ И хорошо, что больше сам не свой, / А никакой, а попросту – живой.* Так, у Толстого в повести «Казак»: «травы и лопухи в рост человека», «камышинка казалась деревом». Постоянно рефлексующий Оленин с удивлением заметил, что во время долгого блуждания по лесу «ни одна мысль не пошевелилась у него в голове» (это, конечно, гипербола – в ряду всех остальных). А финал стихотворения Михайлова (в противовес все усиливающимся в его творчестве минорным нотам) звучит радостно и победно: *Я горы, и леса, и небеса, / Душа моя малиной разогрета. / Душа моя – цветущая лоза, / И песенка моя еще не спета!*

Суетным усилиям человека в постоянном стремлении преуспеть, озабоченности меркантильными интересами поэты противопоставляют мудрое спокойствие и вечную красоту природы: *Мир, где начал ты с нуля, / без тебя на том же месте. / На поля сквозь тополя / льется тихий полумесяц* (А. Файнберг).

Широко распространенный обычай представлять страны через растущие там деревья (как символ родины) нашел отражение в поэзии. Казахские поэты воспевают *карагач* и *саксаул*, а также *тянь-шаньские ели* («заилийские павы» – В. Муратовский). Есть еще регионально значимый образ – отважное цветение *урюка* при робких признаках весны (раньше всех других деревьев) и часто гибель его цветов под заморозками и снегопадом. Многим памятно стихотворение на эту тему молодого Сулейменова. Недавно А. Арцишевский возродил традицию *О, горькое цветение урюка – / Свирепствует апрельский снегопад. / Скворцы апрелю – не порука*. Уставшие зябнуть в холоде зимы люди благодарны этим ранним цветам, хотя знают, что плодов не будет.

Для Киргизии характерны *карагач* и *арча*. В. Шаповалов свой сборник переводов киргизской поэзии назвал «Арчовый костер» (1989), а в его собственных стихах *арча*, *арчовые склоны* фигурируют многократно. *Между ракетой и арчой* – так обозначил он раздвоенность чувства родины у русских («урусов»), издавна поселившихся в Киргизии, а также их социальные проблемы при современных событиях. *Саксаул – аксакал пустыни* (Г. Гачев) – привлекает поэтов стойкостью, выносливостью; его глубокие корни уходят до каких-то тайных слоев влаги, а оголенные стволы, отполированные солнцем и ветром, с крупными жилами-венами, внушают почтительное восхищение. *Отстраняется саксаул от поцелуев стрекоз* (Шаповалов) – прекрасна эта печальная метафора.

Некоторые образы, связанные с символикой деревьев, восходят к фольклору – см. у Муратовского: *И ольхою я болен, как подпасок из были, / как старухи из сказок, что по толям бродили*; у Д. Накипова: *...из хлынувшей крови вырастают деревья в степи*.

Лишенный растительной жизни мир мертв. *Между асфальтом и лесом / скорбно застыли столбы – памятники погибшим деревьям...* – таковы дорожные впечатления Рифата Гумерова. В городе это ощущение мертвого мира еще сильнее. Вот магазин «Детский мир»:

...и резиновые зайцы и пластмассовые волки
В ряд построились на полке – не пищат и не рычат...
А в лесах моих застыли синтетические елки –
Синтетические палки во все стороны торчат...

Живым деревьям часто больно в городе. Страдания городских деревьев (известные по опыту любому горожанину) отражаются в поэзии пронзительными деталями: *каждому листу – асфальтом по лицу* (Накипов); *Желтой слезой / Желудь убьется, / Жить торопясь...* (Б. Каирбеков); *плод каштановый, плод, / не растертый прохожей подошвой о серый асфальт...* (М. Исенов дает здесь через отрицание и исключительный случай представление о типичной картине). Очень часто листья оказываются в форме сердечка с прожилками. *Желто-зеленый, глянцевитый, крепкий, / Пробитый трижды ранами насквозь, / Листок похож на пламенное сердце, / На сердце, что растерянно застыло / В напрасной муке и немом огне...* (Михайлов).

Мотив всеобщего неблагополучия природы в результате экологических бедствий активен в поэзии всего региона. Михайлов и Накипов рисуют пейзажи с засохшими деревьями и пожухлой травой, а традиционно поэтическая деталь

– терпкая горечь травинки или листочка – трансформирована у Накипова таким сравнением: *как будто я перебрал насыбая / нестерпимо зловонного*. Сдержанно проходит этот мотив в сонете Файнберга «Юность». Весна. Солдат срочной службы отпущен в город, у него встреча с девушкой. *И плащика шального дуновенье / в меня летит, как встречная волна*.

Лети, лети. Мне большего не надо.
Стою меж Байконуром и Невадой.
В кармане увольнение до двух.

Есть время нам с тобой поцеловаться.
Еще он светел – тополиный пух.
Еще дурет город от акаций.

Упоминание двух ядерных полигонов и это «еще», отмеряющее неопределенные сроки, вносит ноту тревоги и даже трагизма. Пока еще тополиный пух светел и акации душисты. Пока...

Весьма актуальна тема оскудения яблоневых садов в Киргизии и Семиречье. Почти полное исчезновение знаменитого апорта даже в Алма-Ате стало предметом размышлений Б. Канапьянова – правда, довольно декларативных: *Не гармоничен будет город мой / Без яблока...* У Шаповалова «Плач по яблоку» выразительно заканчивается остроумной шуткой: *Жаждет сегодняшний Ньютон / яблока по лбу... Ан нет!*

Традиционно поэтический мотив листопада как красоты и грусти – часто сгустки метафорической образности: *Огненный лист прижался к рубахе / Сердце мое отогреть* (Канапьянов); *Разноречивые лебеди лета, / навшего песнями разного цвета, / рвут мне зрочки пиром вышнего света. / Кто вырезал и раскрашивал это, / Кто инкрустировал этим мой взгляд?* (Муратовский); *И на изломе синем светотени / Не я ли невесомо вновь качаюсь / И в тихом позолоченном паденье / Душой последней музыки касаюсь...* (В. Михайлов).

А в Ботаническом сейчас творится мистика.
И, обомлевшая, молчит над ним акустика.
Аллеи насквозь, поглядишь – как будто выстрелишь.
И все деревья до весны теперь союзники.

Это из книги М. Исенова «Житие можжевельника в дождь», где раздел озаглавлен – «Эпоха листопада». Своеобразная рифмовка подчеркивает впечатление необычности.

Любопытно, что листопад, чаще всего направляющий мысли к склону дней, у некоторых поэтов, наоборот, связывается с детством: *пора такая – сердце замирает: Как будто детство милое в ногах / листвой валяется...* (Муратовский). У Каирбекова это подано исключительно трогательно:

Что сорвалось?
Осенний лист...
Слеза...
Как плавно человек всплывает
в родное детство.

- Ну мама... Ну еще чуть-чуть...
 – Иди домой, уже совсем темно.

Позови меня домой, мама...

Сбив метра в последней (графически выделенной) строке интонационно передает волнение и слезы.

Традиционное присутствие деревьев в любовной лирике обозначим лишь краткими примерами. Канапьянов: *...обыден мир без тебя, / дерево деревом было, / а когда ты пришла, превратилось в березу...*; Файнберг: *...ты однажды приди к тем деревьям, подъездам, заборам. / Ты приди в переулочек, как в детство чужое...* (Здесь и тема «деревя детства» – вспомним Ф. Искандера); см. также любовную лирику Н. Черновой. С деревом связана поэтизация таких локусов, как *лес* и *сад*, но это – отдельная тема.

Дерево растет, стареет и гибнет, как человек. Аналогия дерево – человек включает двойственность: с одной стороны, прикованность к земле, интровертность и созерцательность, с другой – порыв вверх, динамика роста внутреннего и внешнего [1; 150]. *Якорем корня вцепившись в землю, / лопастями листьев вкручиваясь в высь, / стебель в струнку вытянул бамбук* (Муратовский). Особенно впечатляет поэтов устремленность деревьев к небу. *А за воротами тянутся ввысь тополя, / Крепкими листьями звезды во тьме шевеля* (Михайлов); *Отполированным стволам еще мерещится, / что можно корни оборвать и в небо броситься* (Исенов). Но рабочий стол (он из дерева!) стоит крепко, держит поэта, и есть в этом что-то мистическое: *Корень стола / письменного, / достающего до дна / ада земного* (Муратовский).

Параллели дерево – человек и человек – дерево порождают многочисленные тропы соответствующего смыслового наполнения, например: *соки земные по венам струятся* (Канапьянов); *деревья нервной системой / стоят, зимой обнажены <...> Слышал ваши стоны, / слышал ваши песни, / в сердце – листья-взгляды* (Муратовский); *росли религиозные деревья <...> Разжаловал ноябрь дубы – сорвал регалии <...> и прощальные ветки сплетутся в грудную клетку* (Исенов); *Пирамидальный тополь-истукан / Застыл в земле единственной ногой* (Гумеров). Детали одного и другого плана пронизывают друг друга и совмещаются: *Крона, призрачная перед рассветом; / дума, / выживающая вышней тягой; / поредевшая от еженощных примерок лета; / лысин, светящаяся над бумагой...* (Муратовский).

Развернутая метафора такого плана – во всю балладу Е. Курдакова. Человек, прошедший долгий и трудный жизненный путь, – словно старое дерево:

Этот кряж тополевыи давно уже просится в дело,
 Он гудит под корой, крепко сбитый, матерый, сухой,
 Безмятежный объем, полноспелое плотное тело,
 Сквозь которое мне прорубаться до встречи с собой.

И далее анафора «сквозь», охватывающая 23 стихотворных строки, – перечисление всего, что надо преодолеть; тут вперемешку даны детали жизни дерева и человека: *сучки и подсучья, слои годовые, узлы и мешки, подкамбий, полочки, долги, свехурочки*; есть и совмещенные (*кора чепухи*). И так – до начала начал, до вишневого цвета («над разбитым крыльцом»), осеняющего чистое детство.

Символика дерева наполняется новым содержанием в стихах, связанных с темой национальной музыки. Всем национальным народным инструментам Центральной Азии присуще свойство, которое привлекает особое внимание поэтов и активно представлено в их художественном мире. Вызванная кочевым и полукочевым образом жизни практичность бытового уклада выразилась в способе изготовления народных музыкальных инструментов: они выделялись из подручного природного материала и могли долго сохранять свои качества несмотря на засушливость, резкую смену температур (жаркие дни и холодные ночи), зимнюю сырость и т.п. *Урюк, ель, сосна, тута, можжевельник* и другие местные сорта деревьев и кустарника, устойчивые к засушливому климату, шли на изготовление корпуса. Струны же изготавливались из конского волоса (гривы или хвоста), бараньих или козьих кишок, а также из сухожилий. Дека была деревянной (или кожаной). Из дерева или курая казахские пастухи изготавливали сабызган – духовой инструмент с тремя отверстиями. Туркменский сурнай (поперечная флейта) был бамбуковым, а узбекский най – из свежего (не сухого) дерева или тростника. Чоор (продольная открытая флейта) изготавливался из ветви дерева методом продольного раскола. Это инструмент пастухов у казахов, киргизов и туркмен, он всегда звучит на природе. Кобуз в переводе означает «древесная кора», что указывает на характер материала древнего инструмента кочевников. Ударные инструменты представляют собой обычно деревянный обруч с натянутой на него кожей; подвешиваются металлические пластинки или колокольчики, звук извлекается деревянным молоточком (казахский асатаяк, узбекская дойра). Древесина *шелковицы (тута)* шла на изготовление узбекского гиджака. Туркменская кифара имеет плоский деревянный корпус с двумя стойками и переключателем. У казахского кобыза и киргизского кыяка – деревянный долбленный корпус грушевидной формы [5]. Корпус киргизского комуза, вместе с шейкой и головкой, выдалбливается из одного куска *урюкового дерева*. Это любимейший инструмент киргизов; знаменитый акын Токтогул назвал его «голосом сердца». У Вячеслава Шаповалова стихотворение «Комуз» – одно из лучших. Это гимн комузу.

На корпус домбры лучше всего годились *ель, чинар и клен*, но могли пойти также *липа и сосна*. Корпус выдалбливался из цельного куска древесины, а иногда его делали из отдельных клепок. Изготавливали домбры и из *тальника* толщиной в обычный карандаш, согнув на специальной деревянной колодке. Тал выбирали разных цветов: красный, желтый, коричневый, черный, сочетая их в естественной переливчатости – это очень красиво. Шейку при таком изготовлении делали из *березы, деку* – из *сосны* или *ели* [6].

«Природность» народных музыкальных инструментов – важнейшая их этническая характеристика – глубоко осознана в художественной литературе, поэтизация ее лежит в основе многих образных построений разных авторов. То, что народные музыкальные инструменты сделаны из родного, близкого природного материала, поэтично по сути и волнует воображение. Трогательно звучат строки поэтов Киргизии: «В руках у чабана согреется / *Напев урюкового деревца – / птенец-комуз*»; «Возлагая тяжелые, грустные руки / *На теплую ветвь комуза...*» (Шаповалов); «Когда кыяк, *урюковый младенец, / Сиротствуя, тоскует по смычку...*» (Суслова).

Интересное развитие подобных образных построений наблюдаем, сравнив стихотворения «Комуз» Шаповалова и «Слушая новую домбру...» Накипова. Они пронизаны общим чувством единения человека с музыкой. У Шаповалова:

«Вот мы с тобою обнялись, / Комуз, темнеющий от древности...// *Мы – дерева,*
/ *мы – сыновья.* / Земля да песня колыбельная... Суть бытия! // И – естество среди искусств! – / Прольется звуков чаша полная... / Что позабуду, что упомяну я? – / Лишь ты, / Комуз!» У Накипова, при сходном чувстве, – зеркальный разворот образного строя. Он обращается к домбре: «Кто потом, скажи, вспомнит о нас, / если б не ты, моя умница?» Но в основе – то же чувство единения с природным музыкальным инструментом. Шаповаловское *Мы – дерева* Накиповым как бы конкретизируется: *Резонирую вместе / с березой, кленом и тополем, / отдавшим свою древесную плоть / обычной домбре... // Ничто мое сердце / еще так не трогало... / И живет во мне заново / Песня клена, / Березы белая кровь / И тополя пух улетающий...* Такой поворот темы дерева характерен именно для поэзии центральноазиатского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 1999.
2. Гачев Г. Д. Путешествие в казахский космос. Семей, 2002.
3. Образы деревьев в русской поэзии подробно рассматриваются в кн.: Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 46–87; Абишева С. Д. Поэтическая система «Мир природы»: структура и семантика. Алматы, 2002. См., в частности, анализ циклов «Деревья» М. Цветаевой и А. Тарковского – с. 162–180.
4. Рассматриваются стихи русскоязычных поэтов Центральной Азии периода последних двух десятилетий XX в. и начала XXI в. – сборники и журнальные публикации поэтов: Бахытжан Канапьянов, Бахыт Каирбеков, Валерий Михайлов, Дюсенбек Накипов, Марат Исенов, Василий Муратовский и др. (Казахстан); Вячеслав Шаповалов, Светлана Сулова (Киргизия); Рифат Гумеров, Александр Файнберг (Узбекистан).
5. Вызго Т. С. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. М., 1980.
6. Жубанов А. К. Казахский народный инструмент – домбра // Музыкаведение. Вып. VIII–IX. Алмата, 1976. С. 8–20.

В марте 2018 года отмечают:

80-летие

Момынжан ХАМРАЕВ, поэт

70-летие

Уалихан КАЛИЖАН, прозаик, публицист

Замза КОНЫРОВА, поэт, переводчик

60-летие

Сайлау БАЙБОСЫН, поэт

Нурперзент ДОМБАЙ, поэт

Газиз ЕШТАНАЕВ, поэт

Токтарбек МАГЗУМОВ, прозаик

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

